

18+

Айтмагамбетов Дархан
Муъаракович

РОМАН

ЖИЗНЬ ДИДАРА ДАРАЕВИЧА

РОМАН

Дархан Айтмагамбетов

**Жизнь Дидара Дараевича.
Том первый. Родная земля**

«Издательские решения»

Айтмагамбетов Д. М.

Жизнь Дидара Дараевича. Том первый. Родная земля /
Д. М. Айтмагамбетов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-674553-7

«Жизнь Дидара Дараевича» — это эпопея длиной в полвека, охватывающая судьбу одного человека и целого поколения. Перед читателем проходит не просто личная история — это духовное, социальное и историческое полотно, преломлённое через восприятие интеллигента, рожденного в позднесоветской эпохе. Первый том — это детство, мир запахи степи, образ деда, страх перед обрядом, жажда справедливости, первая влюблённость и школьные открытия. Это роман о метаморфозах человеческой личности на рубеже эпох.

ISBN 978-5-00-674553-7

© Айтмагамбетов Д. М.
© Издательские решения

Содержание

Айтмагамбетов Дархан Мубаракovich	6
Жизнь	7
(издание в четырех томах)	7
Том 1	8
ТОМ ПЕРВЫЙ	9
РОДНАЯ ЗЕМЛЯ	10
Фонари	11
ПЕРВЫЕ СТРЕССЫ	20
Ням-ням	23
Теле-леле	24
РОДНАЯ ЗЕМЛЯ	27
КАК Я СТАЛ ДЖИГИТОМ	32
БОТАКАН	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Жизнь Дидара Дараевича Том первый. Родная земля

Дархан Мубаракович Айтмагамбетов

© Дархан Мубаракович Айтмагамбетов, 2025

ISBN 978-5-0067-4553-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0067-4554-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Құрметті оқырман!

Алдыңызда – жанымның, өмір жолымның, ар-ұжданым мен үмітімнің жемісі. Бұл кітаптағының бәрі тапсырыспен емес, жүректен – өмірден, махаббаттан, естеліктен, сенім мен күдіктен туындады. Бұл – менің замана мен адам туралы ойым, сізбен шынайы әрі ішкі сұхбатым. Мен сенемін: ізгі сөз – ізгі жүректі оятады. Мен осы кітапта екен жақсылық дәндері көңіліңізге егілсе екен деймін. Сол дәндер тым аз болса да, өніп шықса екен. Әр оқырманның жүрегінде бір жылылық, бір шындық табылса екен – Құдай соны нәсіп етсін.

Ізгі тілекпен, Дархан Мұбарақұлы Айтмағамбетов
Уважаемый читатель!

Перед вами – плод моей души, моего жизненного пути, моей совести и надежды. Всё, что изложено в этой книге, рождено не по заказу, а изнутри – из боли, любви, воспоминаний, веры и сомнений. Это мой взгляд на время и человека, мой разговор с вами – искренний и личный. Я верю, что доброе слово рождает доброе сердце. Пусть же всё доброе, что я попытался посеять между строк, прорастёт в вашей душе. Даже если этих ростков будет немного – всё равно они нужны. Дай Бог, чтобы в каждом из вас откликнулось хоть что-то близкое, тёплое и настоящее.

С уважением и верой, Дархан Мубаракович Айтмагамбетов

Айтмагамбетов Дархан Мубаракovich

**Жизнь
Дидара Дараевича**

(издание в четырех томах)

Том 1

Родная земля

2025 год

Роман «Жизнь Дидара Дараевича» – это эпопея длиной в полвека, охватывающая судьбу одного человека и целого поколения. Перед читателем проходит не просто личная история – это духовное, социальное и историческое полотно, преломлённое через восприятие интеллигента, рожденного в позднесоветской эпохе. С 1975 по 2025 годы, от аульной больницы до пост-современной тревожности, герой проживает смену строев, мировоззрений, культур и внутренних ориентиров.

Первый том – это детство и начало формирования души. В 23 главах автор ведёт читателя по воспоминаниям мальчика Дидара, для которого мир начинается с запахов степи, образов бабушек и дедов, страха перед обрядом, жажды справедливости, первых влюблённостей и школьных открытий. Всё это написано с поэтической простотой, образной глубиной и подлинной любовью к эпохе.

Во втором томе развернётся лихолетье 1990-х – с распадом прежних смыслов, борьбой за выживание, утратой ориентиров.

В третьем – взрослая жизнь героя в чиновничьем, административном и интеллектуальном мире нового Казахстана.

В четвёртом – борьба за внутренний свет, попытка сохранить душу в мире, где легко превратиться в тень.

Это роман о метаморфозах человеческой личности на рубеже эпох. Через судьбу Дидара Дараевича автор ставит перед читателем вечные вопросы: можно ли сохранить свет в себе? Что дороже – принадлежность или свобода? И что такое душа человека, пережившего XX и XXI века?

Это книга-память. Книга-притча. И книга-путь.

Автор: Айтмагамбетов Дархан Мубараквич

Әрбір тарау – жеке әңгіме. Әсіресе бірінші том – мектеп оқушыларына, ата-аналар мен мұғалімдерге, кеңестік және одан кейінгі дәуірде өскен барша оқырманға арналған естелік-жинақ.

Каждую главу можно читать как отдельный рассказ, особенно первый том – как сборник воспоминаний, адресованный школьникам, родителям, учителям и всем, кто родом из советского и постсоветского пространства.

Бұл романда бейнеленген кейіпкерлер мен оқиғалар – автордың қиялынан туған. Кез келген ұқсастық тірі не қайтыс болған шынайы адамдармен немесе нақты оқиғалармен – жай гана сәйкестік және әдейі жасалмаған.

Все персонажи и события, описанные в этом романе, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, или с реальными событиями – случайны и непреднамеренны.

ТОМ ПЕРВЫЙ

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ ПРОЛОГ

Фонари

Фонари... **Они горят, чтобы освещать путь душам человеческим.** Уставшим, потерянным душам, блуждающим в бескрайней тьме бездуховности, мечущимся, пугающимся каждого движения, шарахающимся от случайных прикосновений – словно ожоги на сердце. Эти души бредут с широко раскрытыми глазами, и всё же не видят друг друга, даже в гуще толпы. Пока они идут по возвышенности, их силуэты ещё различимы, но стоит сойти в низину – и крошечная тьма поглощает их без следа, будто навсегда.

Иногда кто-то замечает вдалеке слабый, но живой свет. Свет фонаря. Он замирает, поворачивает голову, и в стеклянных зрачках вспыхивает отблеск – искра. И тогда путь его меняется. Всей сущностью своей он тянется к свету, как мотылёк к огню. Таких немного. Но чем ближе к свету, тем больше становится идущих. Одни идут спокойно, осознанно, останавливаясь, чтобы встретиться взглядами с такими же ищущими. Другие пробиваются вперёд, не разбирая дороги, отталкивая иных. А некоторые, прикоснувшись к другому путнику, делают это с особым трепетом – этим прикосновением они зажигают в том новую искру, вовлекая его в общее движение к свету.

Но не все доходят. Некоторые устают, опускаются на землю, замирают – и превращаются в безжизненные камни. Некоторых безжалостно топчут другие. Некоторые тонут в зыбучем песку. А фонари продолжают гореть, не смотря ни на что...

Путь к ним труден, и чем ближе они становятся, тем меньше тех, кто продолжает идти. Множество душ, сбившись с пути, сталкиваются друг с другом, на миг касаются, но затем отворачиваются, забыв о свете, и уходят в противоположную сторону. Фонарям больно видеть эту бесконечную процессию заблудших душ, вечно движущихся в хаосе, без начала и без конца. Время, кажется, остановилось, и всё происходит в замкнутом круге.

И всё же, несмотря на дожди, на снега, на ледяные ветры и жгучую жару, несмотря на песок и иней, что слепит их стёкла, фонари не гаснут. Их пламя неугасимо... С каждой душой, что обращает к ним лицо, что идёт навстречу, их свет становится ярче. Их свет – надежда, и память, и любовь. Они живут, пока к ним идут...

Иные, те немногие, кто достиг света, останавливаются в благоговении. И вдруг исчезают. Растворяются. Превращаются в белое сияющее облако, искрящийся вихрь, что вливается в сам свет фонаря. Без них, без этих искренних, смиренных, готовых к свету душ, огонь давно бы угас...

Если горят фонари, значит, кто-то когда-то их зажжёт. Значит, кто-то их ожидал. Значит, они были нужны. Эти фонари – пророки, проводники Бога. А души, блуждающие во тьме, рано или поздно вспоминают о них, о вере. И тогда, в их зрачках – рождается свет.

Так они и существуют: фонари, дарующие свет, и души, ищущие путь к вечной жизни. И фонари, и души существуют друг для друга...

ПЯТАК

Начало 70-ых годов XX столетия. Эта глава повествует о семье матери еще не родившегося главного героя романа. Семейная сцена с разыгрыванием пятака между братьями и сестрой обнажает темы детской несправедливости, ревности и хитрости. Маленький Амиржан оказывается любимчиком отца, а старшие – вечно виноваты. Через призму детского восприятия раскрываются механизмы семейной иерархии и первая встреча с несправедливостью как нормой. Эта глава задаёт интонацию всему роману – правдивую, горькую, но человеческую.

Глава первая

Пятая

Порою детские шалости и игры бывают довольно жестоки,

И многие из них врезаются на память – на всю жизнь.

– из записок Дидара Дараевича.

На деревянном выскобленном до чиста полу предбанника в разгар еженедельного процесса топки бани с присущим нарастающим звоном все более и более раскручивался пятак вокруг своей оси, кружась по кругу, все ближе и ближе сужаясь к центру, пока в последних судорожных вращениях, прикасаясь боками всей своей окружности советский медный массивный пятак, пока не остановился на доли секунд и лег решкой вверх. Зрочки его бегали, а лицо его застыло в предвкушении восторга и вдруг ладонь Амиржана хлопнула поверх пятака, он поднял ладонь и закричал: «Решка! Решка! Моя взяла!»

Вначале, улыбающиеся лица Слушаш и Умиржана с пристальным взглядом карих глаз, вперившихся на вращение пятака, с напряженными бровями все более и более сгущались, пока совсем не превратились в гримасы отвращения и полного детского отчаяния, при раздавшемся радостном возгласе ненавистного Амиржана. «Вот так всегда, везет же этому хитрецу, за что нам такое наказание!», – с горестью пробормотав сквозь зубы, они поплелись унылой походкой в который раз в хозяйственный двор, управляться за многочисленным скотом.

«Уговор, дороже денег!», – крича им вслед и не унимаясь, с залившимся самодовольным смехом сопровождал их младший и ненавистный везунчик, братишка Амиржан. «Идите управляться в сарай, там ваше и место, а я ведь еще маленький и не дорос до этого удовольствия как вы, и в кино вы не пойдете, так вам и надо увальни!», – не унимался и злорадствовал он вприпрыжку, похлопывая в ладоши.

Слушаш стиснула зубы. «Почему он опять выиграл? Да сколько можно?! Если бы не уговор – уж я бы его...» Умиржан, опустив голову, бурчал про себя: «Вот паразит мелкий... Знал ведь, что подстроит. А я опять повёлся, как дурак. Ну ничего, когда вырасту – посмотрим ещё, кто кого!»

Так еженедельно по субботам, после школы, когда усталые заботами о чадах своих труженики сельских будней родители, прикорнув на часок-другой послеобеденного сладкого сна, Амиржан разыгрывал данную трагикомедию со своим старшим братом и сестрой. Он был любимчиком в семье у строгого отца, ветерана Великой Отечественной войны, уважаемого в селе учителя Нурлыхан-ага, преподавателя биологии и химии местной школы, в одном из многочисленных и отдаленных аулов, разбросанных на огромной территории Тургайского плата необъятной казахской степи Сары-Арки.

Отец еженедельно на карманные нужды давал детям по медному пятаку. Можно было сходить в магазин и купить бублик и съесть его, растягивая особенное удовольствие при раскусывании маковых зернышек передними зубами; или купить простой карандаш с тетрадкой, как это требовал строгий учитель геометрии и черчения; или же купить пирожок с ливером, либо с повидлом на большой перемене; или же, не поленившись сбегать в центр аула, где возле универмага можно было выпить с автомата вкуснейшую газировку с сиропом за три копейки и в придачу два стакана без сиропа, чтоб не одолела жажда, пока до дома добежишь; или же, наконец, сходить на субботний показ очередного индийского двухсерийного фильма в кинотеатре, купив за неделю вперед детский билет.

В отличие от Амиржана, который старался не тратить пятаки и копить их, Слушаш и Омиржан как ни старались, не могли сдержаться, чтобы не потратить их в течение недели на вышперечисленные нехитрые удовольствия простых аульных детишек времени расцвета коммунизма. «Жизнь одна, – думала Слушаш, – что толку копить? Всё равно отец больше не даст... да и радость ведь в моменте, а не в мешочке с медью!»

Суббота была самым любимым днем для Амиржана. Он с удовольствием выставлял в ряд все пятикопеечные монеты, которых становилось всё больше и больше в его драгоценной кол-

лекции. Бывало, когда старшие трудились, не покладая рук, в поте лица, их младший брат, разворачивая мешочек, вываливал кучу монет во дворе и напоказ чистил, как бы играя, невзначай, потирая их до ослепительного блеска песком. Их темно-желтый отблеск в лучах горячего солнца был исключительно приятен для взора Амиржана, и в этот момент он был счастлив как никогда.

«Я умный. А они – глупые. Я сбережения веду, как настоящий мужчина!» – думал он с гордостью, любуясь на свои монеты, поглаживая их, будто это были драгоценности султана.

Однажды, в один из таких дней, проснувшись от чего-то внезапно, отец семейства увидел данную картину, разыгрываемую его собственными детьми. Омиржан и Слушаш, увидев отца, встали как обычно по струнке смирно, а Амиржан, увлекшись любимейшим процессом превосходства себя над старшими, смотрел заворожённо на раскручивающуюся монету. В голове у старших заалела добрая надежда, мол, вот отец наконец-таки увидит, кто на самом деле его любимый сынишка! Они еще более удручили свои лица, и даже пустили было ли слезу, но ни тут-то было. Как всегда, Амиржан выкручивался из любых ситуаций, как бы они ни хотели выставить его истинное лицо перед отцом. А ведь сколько бесчисленных раз он их подставлял – не перечеть.

Сколько раз они получали горячих ударов камчой от отца! Всегда отец вставал на его сторону, мол он маленький ещё, хрупкий и нежный – не то, что вы, неуклюжие увальни. Не завидуйте ему, он ведь вам родной, вы должны за него защищаться, а не давать в обиду.

И на этот раз он выкрутился. Пока старшие не успели и рта открыть, увидев отца, он сразу переменялся в лице и тотчас же захныкал, и затараторил, вот мол, они хотят забрать его кровные деньги, которые, в отличие от них, он экономил, не тратил на еду как они – вечно голодные, не забывая себе брюхо; не терял их как они, растеряши.

Отец произнёс свою коронную фразу: «Итгін балалары!»¹, когда он обычно начинал злиться и наказывать старших детей. «Сбежать за камчой?», – со свойственной ему ухмылкой, хотел было побегать Амиржан, но отец остановил его, взяв за руки. В это время мешочек с монетами рассыпался с его рук со звонким звуком на пол перед ещё изумившимся лицом строгого отца... Через несколько секунд он сказал:

«Встань, выпрямись, Амиржан! Ты молодец, хоть и маленький, а уже смышлёный, не то что твои старшие брат и сестра. Ты преподавал им урок экономики! А с хорошей экономики начинается сильная страна. Вместо того, чтобы брать с него пример, вы, остолобы, хотели его обидеть и забрать его сэкономленные пятаки? Не бывать этому! За это, Амиржан, вот тебе рубль с изображением вождя всех наций – Лениным! На, держи! М-м-м, менің жаным. Если так будешь дальше держать, будешь в будущем хорошим бухгалтером или экономистом, не то что эти бездари и лоботрясы!»

Он быстро и ловко собрал монеты в мешочек, ушёл вместе с отцом пить чай и похвастаться перед матерью, успев ещё показать впридачу старшим рожицы с дулей со словами: «Ішін күйсе, тұз жала-ла-ла!»

А на улице тем временем начинался вечер. Аул погружался в свой медленный, тихий ритм. Лёгкий ветерок трепал занавески в окнах мазанок. Где-то за околицей блеяли овцы, а в степи – невидимой, но вездесущей – простирался простор, в котором даже самая мелкая несправедливость детства казалась вселенской трагедией. В груди у Слушаш защемило. «Вот бы сбежать отсюда... Уехать. Учиться. Стать человеком. А потом пусть посмотрят!»

Слушаш действительно так и сделала. Сразу после школы, во время учёбы в медучилище, она вышла замуж за простого, но доброго и надёжного парня, с которым они вместе начали свою жизнь в ауле. Там, в тесной домике на окраине, и родился их первенец – Дидар. А когда ему исполнился год, они переехали в город – работать, строить своё будущее.

Она шла вперёд с упрямством, выковавшимся ещё тогда, в ту субботу, когда в груди впервые вспыхнуло это щемящее желание – жить по-своему.

Омиржан молчал, сжав кулаки. Только в глазах горел огонёк – не мести, но обиды, застывшей в детской душе.

А в доме Нурлыхана вновь звучал довольный голос: «Біздің Амиржан ақылды! Міне, болашақ басшы!»²

¹ Итгін балалары – щенки (буквально: дети собаки), ругательство, выражающее крайнюю степень раздражения.

² Біздің Амиржан ақылды! Міне, болашақ басшы – фраза на казахском языке – «Наш Амиржан – умница! Вот он – будущий руководитель!»

РОЖДЕНИЕ

Описывается день рождения Дидара, наполненный символами: долгожданный дождь, таджикская песня по радио, последние слова бабушки. Мир природы и судьбы соединяются в момент появления

на свет. Уже с первых минут жизни мальчика окружают знаки, наполняющие его путь предчувствием миссии. Глава пропитана духом родной земли, традиций и предопределения.

Глава вторая Рождение

*Я знаю, что ничего не знаю.
Сократ*

В эту эпоху шла вторая половина расцвета к пути коммунизма, волна советского индустриализма, когда в степных просторах вдруг за несколько лет появлялись: трубы заводов и ТЭЦ, телевизионные вышки, многоэтажные дома. Строились они на скорую руку, наспех, но добротнo, на долгие для года будущих поколений от всей души человеческой.

В душах людей царил тогда покой и умиротворение, которое совмещалось с приподнятым духом гордости за уверенный завтрашний день и созидательное мышление прогрессировало в их умах.

Если в странах Индийского полуострова принято еще до рождения ребенка просчитать и планировать его судьбу по состоянию звезд и планет на момент его рождения, чтобы просчитать заранее гармонию семейного счастья; чтобы кому-то взять перо и бумагу, кому-то мотыгу и плуг, кому-то мачете и ружье. То в стране, где родился наш герой нашего романа, этого не принято было делать. Элементарного прогнозирования беременности и рождения ребенка не было и в помыслах. **«Бог дал, бог взял»**, – так в основе рассуждали люди и социум, где родился Дидар Дараевич. **«У каждого ребенка своя судьба, своя дорога и место в жизни»**.

Может поэтому, дети, родившиеся на свет божий в этой стране, приходили не по наитию человеческого ума, а по большому счету – по божьему провидению. И их судьбы были непредсказуемы и своеобразны, в принципе, как и многие жизни и судьбы миллионов таких людей, лишь различающихся по цвету кожи и разрезу глаз и множества других различий, присущих каждому менталитету того или иного общества стран и народов мира.

Ничего примечательного в тот день не предвиделось на небосклоне существования человеческой цивилизации, называвших себя человеком разумным, или каковым себя считали личности «*nomo sapiens*». С первыми каплями дождя родился герой нашего романа в начале трудовых будней начала рабочей недели в понедельник последнего месяца лета в 213-ый день семьдесят седьмого года двадцатого столетия. В ту пору, когда днем стояла уже устоявшаяся и надоевшая всем жара, но, когда и появляется та первая прохлада в утреннюю рань, являвшейся глотком свежего воздуха, для задыхающийся, притаившейся живности вековой степи Дешт-и-Кипчак¹.

Вторая неделя стояла жара. Все замерло и задыхалось в природе, изнывая от непрекращающегося зноя. И вот накануне рождения Дидара, погода смиростивилась и отпустила зной, пришла долгожданная прохлада к концу дня. Всю ночь пели степные жабы, радуясь долгожданной прохладе и в предчувствии долгожданного дождя, а на утро все замолкло, на мгновение, и вдруг с каким-то странным нарастанием и гулом стал расти гомон птичьей и насекомой братии. В этот миг вместе с первыми криками младенца, хлопнутого по ягодичам, покапали крупные капли дождя на сухую песчаную землю, малой родины родившегося младенца. «Ишь ты, родился то в рубашке, наш джигит, как раз и дождь пошел на радость всему живому, и засухе конец настал – хороший знак, дай бог ему здоровья и долгой жизни», – возвестила рождение младенца, держа его на руках, радостная акушерка. На радиоприемнике в коридоре районной больницы раздавалась красивая таджикская мелодия о любви:

*Кап, кап, кап, капает дождь.
Так сладостно звучат эти капли,
Что напомнили мне о тебе.
И старая печаль проснулась во мне
От неги тюльпанов полей.
Разбили моё сердце, раскололи кинжалом,
Разлучили нас люди.
Родная моя, и видно таков наш удел,
Но за что, почему, почему?*

«Видно ваш ребенок плод большой любви?», – спросила, подпевая и пританцовывая под мелодию, держа младенца на руках, акушерка. «Да, это мой первенец, плод нашей любви», – ответила роженица, тяжело вздохнув, и заснула. Был он, как бывает для первенца не очень здоровым крепышом, и родился меньше средне положенного веса для новорожденного, хотя порядочно измучил мать с начала шестого до семи часов утра сего дня.

Наконец настала долгожданная прохлада. Температура по Цельсию стояла +22, дул приятный прохладный освежающий самал², всё настойчивей накрапывал дождичек, за горизонтом сверкала молния, громыхал раскатами грома, дышала полным вздохом земля номадов³. То была колыбельная с раскатами небесного барабана для родившегося на свет сына великих степей – Дидара Дараевича.

Родился он в районной больнице аула, в сером здании, скромном, но полном любви и тихой веры в завтрашний день. А ровно через год, в сентябре 1978-го, когда ему пошёл второй год жизни, семья покинула родные степные просторы. Они переехали в молодой, только начинавший подниматься на крыльях комсомольской мечты город – областной центр великой Целины.

*Его строили руками молодежи, съехавшейся со всех уголков огромного Союза, вдохновлённой идеей общего будущего, справедливого и светлого. То было время, позже названное годами застоя, но для миллионов это были годы надежды, труда и настоящего расцвета – когда по-настоящему строилась инфраструктура страны, и **каждый верил, что всё только начинается**. Так начинался путь маленького Дидара – под шум дождя, под крики степных птиц и пение степных жаб, под поступь нового времени к светлому пути к коммунизму.*

Когда мать вынесла младенца из роддома на третий день, он был хрупким, едва весившим три килограмма.

Дома его уже ждала бабушка. На её хрупкие женские плечи лег тяжёлая ручная бытовая домашняя работа и по дворовому хозяйству. В те годы, не было тогда никаких удобств, вся работа превращалась в титанический труд с утра до позднего вечера. Не было ни горячей, ни холодной воды дома, ни газовых и электрических плит, ни стиральных машин и утюгов, канализации. В таких условиях родила она семерых: выкормила, выстирала, выпестовала, выучила, вырастила. Не довелось ей нянчить внуков своих, надорвалось здоровье.

Слегла она рано, так и не дожив до пенсии. В последние дни свои, услышав о рождении внука, она заулыбалась и потребовала тот час принести его после выписки из роддома.

В последний день в её одной руке был Коран, другой же слабой рукой она сжимала маленькую ручонку внучонка, словно жест прощания, она поцеловала его в макушку и произнесла последние слова:

*«Слава, Аллаху, что он родился в рубашке, долго жить будет, **успеет все в этой жизни, исполнить свою миссию судьбы**, а моя душа проситься в иной мир. Нареките его Дидаром, пусть будет освещать путь другим, светочем для них и для нашего всего рода»,* – сказав она сникла и тело ее обмякло.

Все дети стоявшие рядом зарыдали. Нурлыхан молился на коленях..

*Так он получил своё имя. Через мгновение её глаза закрылись навсегда. **Его рождение стало её последним светом...***

¹ Дешт-и-Кипчак – историческое название обширной степной зоны, простиравшейся от Дуная до Иртыша, населённой кочевыми тюркскими и кипчакскими племенами. В литературном контексте – символ вечной, почти мифической степи, колыбели кочевой цивилизации.

² Самал – тёплый или прохладный степной ветер. В казахской культуре часто ассоциируется с дыханием природы, с оживлением и надеждой после жары.

³ Номады – кочевники; в казахской традиции – носители древнего образа жизни, связанного с сезонным перегоном скота, свободой, степью и особым мировоззрением. В литературном контексте – романтический образ предков, живших в гармонии с природой.

ПЕРВЫЕ СТРЕССЫ

Маленький Дидар впервые остаётся один дома и переживает мощные эмоциональные потрясения. Его страх, растерянность и ощущение заброшенности раскрывают хрупкий внутренний мир ребёнка. Эти стрессы формируют первые эмоциональные барьеры и психологическую чувствительность героя. Глава – портрет детской тревоги в мире взрослых.

Глава третья
Первые стрессы

*А что, если детство – это не просто период жизни,
А страна, в которую уже не вернуться,
Но которую можно помнить... до дрожи в сердце.*

– из записок Дидара Дараевича.

Маленький Дидар не любил оставаться один дома. Но иногда это случалось – и это было самым ужасным в его детском мире. Очередной раз он не проснулся утром, когда родители собирались на работу. Обычно они вели его в детский сад, который он терпеть не мог. Но бывали дни, когда его туда не отводили. Однажды он проснулся – солнце уже светило вовсю. Он встал, прошёлся по квартире. Мёртвая тишина. Она пугала. Паника нарастала, страх усиливался с каждой минутой. Голову обуревали тысячи мыслей:

- Да как могла мама меня бросить?
- Бросила? Навсегда?
- Нет, она обязательно придёт!
- Она меня не любит!
- Она же меня любит?
- Да!
- Нет!
- Я один, одинёшенек!
- Что делать?
- Плакать!
- Орать!
- Топать ногами!

Эти мамины «уходы» превращались для Дидара в жуткие приключения, которые каждый раз заканчивались по-разному и непредсказуемо.

Сначала он топал ногами, кричал, плакал. Потом судорожно бежал к двери и колотил в неё маленькими кулачками. Слезы

стекали по щекам, оставляя солёные струйки. Позже, отвлекаясь, он замечал, как эти следы чесались и будто трескались при движениях щёк. Он растирал их руками – и они исчезали. А отвлекался он вот чем.

НЯМ-НЯМ

Мама прятала любимые круглые таблеточки – как она их называла, «витаминки»* – в синей бумажной коробочке. Разрешалось есть по одной-две в день. Он требовал ещё, хныкал, плакал – бесполезно. Тогда их стали прятать: сначала за будильником, потом за настенными часами, после того как он их всё-таки нашёл, объелся и получил аллергию. Он тащил табурет, осторожно взбирался. Несколько раз падал, плакал, но снова лез. Научившись, доставал любимые таблетки. Какое же это было удовольствие – сдирать ногтем блестящую фольгу, выковыривать таблетку и отправлять её в рот. Во рту становилось прохладно, язык и щёки немели, а сладко-кислые слюни растекались. Если не успевал глотать – они вытекали, и он вытирал их рукавом. После целой пачки из шести огромных таблеток он краснел, тело покрывалось сыпью, и он засыпал в сладком сне, ожидая маму.

*Витаминка – витамин С в виде таблетки (аскорбинка).

Теле-леле

В другой раз, после обычного ритуала из плача, топанья и стука в дверь, тишина снова начала пугать. Он решил включить теле-леле – телевизор, как он его называл. Он видел, как это делают взрослые: нужно шутовину с двумя торчалками, которая идёт от телевизора по верёвке, воткнуть в две дырочки в стене. Так он и сделал. Телевизор включился. На чёрном экране появилась белая точка, она росла – и вот уже картинка. Какая-то тётя говорила – рот шевелился, но звука не было. Потом – дяденька, и

тоже без звука. Надо было что-то делать. Что-то покрутить, как делал папа.

Под телевизором стояла какая-то шутовина, от неё шёл странный шум. В середине горела трубка с мерцающей красно-розовой полоской. Маленький Дидар увидел чёрную ребристую крутилку. Он начал её вертеть. Полоска увеличивалась или уменьшалась, шум то нарастал, то стихал, экран то становился ярче, то тускнел. Он крутил до упора влево, потом резко вправо. Полоска разрослась, шум усилился, картинка стала ярче. Из-за телевизора пошёл дым. Тётя на экране всё краснела и увеличивалась, и вдруг – громкий треск! Он почувствовал, как лицо обдало жаром, будто ударило чем-то колючим. Закрыв глаза – кто-то как будто толкнул его, и он упал на спину.

Дальше он не помнил. Когда открыл глаза, лицо щипало. Над ним наклонилась тётя в белом халате, что-то говорила. Дидар подумал: неужели она из телевизора вышла? Он улыбнулся – и она улыбнулась в ответ. Рядом – испуганное лицо мамы, она плакала, а папа ходил взад-вперёд, что-то громко говорил, размахивая руками. Тётя вколола ему что-то – и он снова заснул. После этого случая мама больше не оставляла его одного. Но был ещё один случай.

Карусель

Третий раз оказался интереснее и длился дольше. С каждым разом плач и топанье становились тише. Он проверил полку, стенку и место за часами в поисках «ням-ням», но безуспешно. К телевизору больше не подходил: теперь он был другим, стоял высоко, верёвка тянулась вверх – не дотянуться. Да и не хотелось: лицо долго щипало, глаза плохо видели.

Он нашёл ножницы и тетрадку, стал вырезать кругляшки – но выходило криво. Снова поколотил дверь, слегка поплакал, сел, облокотился на неё и задремал. Сквозь дремоту – шаги. Вздрагивает от звонка, просыпается:

– Ма-ма! Ма-ма!

Шум ключа в замке – и на пороге, покачиваясь, стоит дядя Уми. Он смеётся, подхватывает Дидара на руки и входит в квартиру. Мальчик рад, охотно сидит у него на руках, щетина дяди щекочет лицо. От него идёт резкий запах, но Дидару всё равно – он любит дядю и чувствует ответную любовь.

Дядя пьёт воду из графина, а Дидар трогает его шею – нащупывает играющий комочек. Дядя в весёлом настроении, целует племянника, бормочет: «Дархун-Тархун». В детской он подкидывает мальчика вверх – почти до потолка. Дидар заливается смехом. Потом дядя усаживает его на шифоньер, сам роется в холодильнике, находит бутылку, прячет за пазуху. Когда

приближается, мальчик тянется к нему – и падает. Дядя не успевает поймать – и Дидар ударяется головой о край стола.

Искры перед глазами. Дядя в ужасе поднимает его, даёт шоколад, чтобы не плакал. Дидар сквозь слёзы ест, успокаивается. Дядя обмакивает носовой платок в жидкость из бутылки, прикладывает к ушибу. Щиплет сильно – Дидар снова плачет. Дрожащими руками дядя надевает на него любимый синий свитер с мишками:

– Пойдём гулять! На карусель!

С подоконника показывает на улицу:

– Поедем на большой красной машине – КамАЗе!

Там и правда стояла красная машина. Мальчик забывает про боль, охотно протягивает ручки.

Дядя вприпрыжку сбегает с четвёртого этажа, они садятся в кабину. Дидар на коленях, держится за руль. Едут, крича: «На карусель, на карусель!» Мимо проносятся улицы, собачки, кошки. В парке дядя покупает мороженое, усаживает племянника на пятнистого оленя на круговой карусели. Дидар в восторге, визжит от счастья. Дядя пьёт из бутылочки, кричит, машет рукой.

Потом они поднимаются на «Колесе обозрения». С высоты люди – точки, дома – шоколадки. Напротив сидит усатый дяденька с фотоаппаратом:

– Улыбаемся! Сейчас птичка вылетит!

Вспышка. Дидар счастлив. От переполнявших эмоций он засыпает. Как вернулся домой – не помнит. Только то, как крепко спал, держась одной рукой за руль.

Проснулся уже дома. Тётя в белом халате снова обрабатывала ушиб. Щипало, но он улыбался. В голове – карусель, колесо обозрения.

После этого случая родители сделали дяде строгий выговор. Он больше не появлялся.

А наутро на столе, об угол которого он ударился, лежала фотография: он – в синем свитере с мишками – счастливый, на коленях у любимого дяди. А за спиной – дома-шоколадки и крошечные люди внизу – с высоты колеса обозрения.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Герой впервые осознаёт различие между городом и аулом – двумя полюсами своей родины. Через образы телевизионной вышки, природы и суеверий формируется чувство принадлежности к земле и традиции. В разговоре с дедом затрагиваются темы истории, языка, понятие «манкурт» и национального достоинства. Это глава о корнях, памяти и культурной идентичности.

Глава четвертая

Родная земля

*Любовь к Родине
начинается с малой Отчизны
– отчего дома, школы, села, города.*

– из записок Дидара Дараевича

Родиной Дидара Дараевича было считать два населенного пункта: город, где он проживал с родителями и аул, к которому он родился и ездил на каникулах к родному деду, отцу матери Нурлыхану. Он смутно помнил свое рождение и раннее детство, но по словам матери он родился именно в этом ауле, где жил его дедушка, и когда он был маленьким, они переехали в город. С первых воспоминаний он помнит себя только в этом городе. В нем больше возможностей и по работе папы пришлось уехать сюда.

Папа его работал связистом в небе на телевизионной вышке, она видна со всего города. От нее работали все телевизоры и радио города, как объяснял папа. Через антенны связь передавалась и преобразовывалась в звук радио и изображение в телевизоре. Маленький Дидар сколько не думал, так и не мог понять, как это происходит. Через какие-то невидимые волны в воздухе они проникают в радиоприёмник и в телевизор. «Вот чудеса бывают на свете и их понять сложно, пойму когда буду взрослым, – думал он. «Все в этом мире, взаимосвязано, невидимыми волнами и люди мыслями», – говорил ему папа не раз. Для него папа был волшебником, будто он сидел там высоко на телевышке, и как паук распускал невидимые нити связи из огромного клубка, пока так он представлял работу папы.

Летнее время проходило в ауле. Ехать туда надо было долго на автобусе или на машине, несколько часов. По дороге всюду простиралась необъятная степь, то там, то здесь можно было увидеть пробегающих сусликов и тушканчиков, а в небе высоко парили соколы и орлы. Иногда они резко как камень бросались вниз устремляясь за этими сусликами и тушканчиками. И в мгновение ока они оказывались в огромных когтях этих хищных птиц. Такой же огромный

каменный орёл со злым застывшим взглядом стоял по пути этой дороги в аул. Если открывали на несколько минут окна автобуса от духоты, сразу же просачивалась невидимая пыль и ложилась мелкой пеленой вокруг и в этот же миг, если внимательно прислушаться, то можно было услышать в безмолвном забвении вечной нескончаемой пустоши великой степи жалобный писк жертв-грызунов и клекот парящих гордых птиц-хищников.

По приезду в аул в нос бил тот особенный дух казахского аула, смешанный из разных запахов: терпкого жусана¹ и джигиды², кисло-сладкого дыма кизяка³ и курта⁴, кипящего масла и жарящихся баурсаков⁵ на уличных печах во дворах. Был слышен многоликий лай дворовых собак вперемешку с карканьем воронов и стрекотанием вездесущих сорок.

Много было преданий старины в тех краях, странных обычаев и традиций, шедших из поколения в поколение. С юных лет Дидар внимал этому потоку народной мудрости, в сокровищницах которого таились многие непонятные для его детского ума вещи и константы, которые надо было воспринимать как должное, без объяснений, раз сказал белобородый аксакал, в сединах преклонных лет старушка, значит так надо и всё тут.

Многим из них он задавал вопросы, стараясь понять суть этих обычаев: «Почему? Откуда это вы знаете? Кто вам сказал?»

– Так надо, это я узнал от своего деда, прадеда, а он в свою очередь от своего деда и так далее – из поколения в поколение это передавалось из уст в уста. И не надо сомневаться в этом, не надо искать причину. Больно ты любопытный, не в меру, старших надо слушаться, плохого они не посоветуют. Это **опыт веков наших предков – ырым**⁶.

Вот одна из этих догм гласила, что, когда солнце заходит за горизонт, и когда ночь вступает в свои владения, человеческий дух, основанный на веру в бога и аруахов⁷, ангелов-хранителей, ослабевают, а нечистая черная сила становится сильнее. Поэтому человек подвержен в это время разного рода напастям. Враг рода человеческого в это время старается вселиться особенно в неокрепшие души молодых людей и детей и подвести его преднамеренно к пропасти и погубить его всеми силами колдовства и чёрных чар. Поэтому нельзя ночью бродить в степи, идти в лес, нельзя из колодца воду брать и пить, нельзя купаться в реке или озере, нельзя держать путь ни пешком, ни на лошади, ни на машине. А кто ослушается этого – в того могут вселиться злые аруахи⁷ – духи мертвых неправедных людей. Может он постепенно заболеть, сойти с ума, ожесточиться, его сердце и душа черствеет начнут, сам того не заметит.

Так рассказывали, что люди, осмелевшие ночью держать путь, видели в степи блуждающие огоньки. Эти огоньки возникали неоткуда, на поверхности земли, горели они как маячки в кромешной ночной степи, то там, то здесь, маня собой любопытных, охочих до чуда людей. И вот они, оставив машину, повозку с лошадей, спешившись, шли за ними и пропадали неведь куда. Только с утра находили родственники их пустые машины, или испуганных лошадей с поседевшими прядями грив – сами собой возвращались домой без хозяев. Или же, вернувшись домой, становились эти люди злыми, приобщались отчаянно к табакокурению или хуже – шайтан-водке⁸, и постепенно, теряя здоровье и рассудок, уходили в мир иной преждевременно, огорчая близких, теряя цель жизни.

Иные шофёра рассказывали, будто подбирали ночных попугачиков, и сколько не старались взглянуть в зеркало заднего вида, но рассмотреть их лица не удавалось. Те, которые не останавливались, не могли доехать и глохли на полпути и никак не могли устранить поломку до рассвета. Иным же удавалось разглядеть силуэт попугачицы, и сквозь надетый белый платок зияла

там пустота. Душа у них от страха уходила в пятки, и спешили они доехать побыстрее до аула, нажимая на газ что есть мочи, от страха и оцепенения и ужаса. Некоторые таким образом слетали в кювет,

некоторые находили там же смерть во время ночных аварий. Тем же

кому удалось доехать до аула, открывая дверцу заднего сиденья, к ужасу обнаруживали факт, что там никого не было. Многие из них сели тут же, иные с тех пор становились молчунами навеки, иные – из балагуров – под хмельком рассказывали потом шоферские байки и больше никогда не соглашались ехать ночью ни под каким предлогом и ни за какие деньги. Почти все они утверждали, что все же это была женщина, закутанная в белые одеяния с приятным молодым томным голосом.

– Дедушка, а откуда эти ночные блуждающие огоньки у нас в степи появляются? И что за женщина – ночная попутчица?

– Аллах его знает, пути господни неисповедимы. Я думаю, это души – аруахи непогребённых людей, убитых на поле брани. Ведь в наших степях раньше происходили кровопролитные стычки между кочевниками и джунгарами⁹, между повстанцами против царской и даже советской власти. Много крови было пролито в наших степях в те лихие годы гражданской войны. И когда весной расцветают маковым цветом алые тюльпаны, будто буйством своим и красным цветом они растут, подпитываясь кровью этих убиенных несчастных жертв. Да и цвет нашего флага красный – в честь этой пролитой крови народа, ценою которой установилась власть советов, новая власть большевиков. Э-эх, вот так-то, внучок. Как подумаешь об этом – на сердце тяжело становится. Вырастешь – узнаешь. Изучай историю свою, своего родного края и народа. Мал ты до этих знаний, не дорос ещё, но я рад, что ты этим интересуешься с малых лет, смыслёныш ты мой эдакий. Будешь не знать своего родного языка и истории, своих корней – будешь манкуртом¹⁰.

– А кто такие манкурты?

– Это люди, **не ценящие ни своего родного языка, ни истории своего народа, ни семи поколений у казахов.** Их много

сейчас, власти угодны такие люди. У них ни Родины, ни флага – куда скажут, туда и пойдут, как бараны безмозглые. Нет у них патриотических чувств, продажные и недалёкие умом, живущие одним днем.. Намыса¹¹ – гордости за свою нацию и народ, нету у них.. В годы Великой Отечественной войны называли их предателями, «бендеровцами», полицаями – они первые предавали свой народ и, помогая фашистам на оккупированных территориях, уничтожали своих вчерашних не угодившим в чем-то вчера односельчан, соседей и родственников – нелюди, безбожники. Видел я это собственными глазами.

Слава Аллаху, не дошли фашисты до нашей земли казахской. Не знаю, что бы было тогда. За свою шкуру и за деньги предадут они и мать родную...

С ними боролись бойцы из спецотряда СМЕРШ¹². Они уничтожали их без суда и следствия, по закону военного времени. Да и в мирное время, не помешало бы, ибо расплодилось их... Видно всех не добились – гадов – после войны разбежалось их часть в массах по закоулкам необъятной нашей страны, притаились и корни пустили как сорная трава, отравляют жизнь праведным людям.

¹ Жусан – степное растение с горьковатым ароматом, символ казахской земли.

² Джигида – мужской парфюм советской эпохи с резким стойким запахом.

³ Кизяк – высушенный навоз, традиционное топливо в ауле.

⁴ Курт – солёный кисломолочный продукт, высушенный для хранения.

⁵ Баурсаки – жареное тесто, казахское национальное блюдо.

⁶ Ырым – суеверие, устоявшийся обряд, передаваемый поколениями.

⁷ Аруахи – духи предков, покровители рода.

⁸ Шайтан-вода – водка, символ зла, разрушения совести и чести человека.

⁹ Джунгары – кочевые враги казахов, вели войны в XVII—XVIII вв.

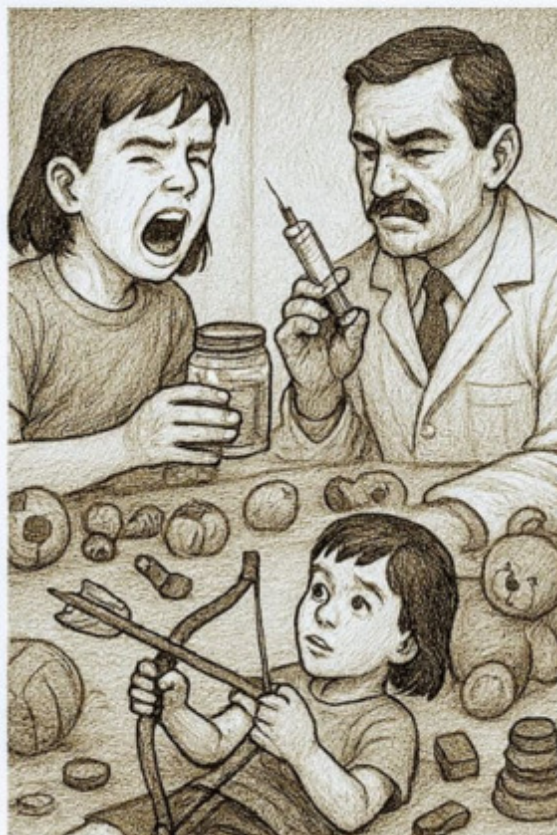
¹⁰ Манкурты – утратившие связь с родом, языком и историей.

¹¹ Намыс – честь, достоинство, чувство национальной гордости.

¹² СМЕРШ – советская контрразведка, ликвидировавшая предателей.

КАК Я СТАЛ ДЖИГИТОМ

Герой проходит обряд обрезания, вначале – обманутый, испуганный, униженный. Боль физическая и душевная переплетаются, вызывая крик и протест. Однако со временем он осмысливает значимость обряда и принимает его как акт взросления. Это – инициация, переход от детства к мужеству, запомнившаяся на всю жизнь.

Глава пятая
Как я стал джигитом

Этот день – памятный день – врезался в детскую память раз и навсегда, на всю оставшуюся жизнь.

Утро не предвещало ничего необычного. Как всегда в летние каникулы, маленький Дидар находился в ауле у дедушки. Обычный летний день начинался с утренней прохлады и освежающего ветерка – самал. Коровы были подоены, телята накормлены обратом и отпущены пастись, бараны выгнаны в степь. Все в доме деда вставали рано, и уже к восьми часам утра, стараниями старшей невестки Сафуры, посвистывая, кипел самовар, тихонько играло радио с утренней сводкой погоды и новостей области. Дедушка не любил, когда кто-то опаздывал на церемонию чаепития.

Дидара разбудили и велели идти пить чай. Между пиалами крепкого, терпкого чая со свежей, только что просепарированной, ещё жидкой сметаной, раздавались строгие приказы на день. Дяде велено поймать хромого барашка, оставить его дома и заняться лечением. Тётям – полить огород до пригона скотины: к вечеру ожидалась жара. Невестке Сафуре – прибраться, подготовить постель с чистой простынёй и приготовить плов: должен был приехать важный человек.

В это утро дедушка был почему-то особенно ласков с Дидаром и даже сам протянул ему шоколадку.

– Дидар, ты же джигит?

– Да.

– Ну тогда, держи шоколад. Джигиту – угощение.

– Рахмет, дедушка.

– Сегодня ты станешь настоящим джигитом.

– Ладно.

– Не бойся ничего. Джигит не должен бояться ничего на свете!

– Да, конечно. Но я всё же боюсь соседской чёрной собаки – больно злая она.

– Ничего, она ведь на привязи.

– Но иногда она развязывается.

– Тогда не беги, а смотри ей в глаза. Не поворачивайся спиной. Не показывай страха. Собака чувствует, что ты её боишься.

– Хорошо. А если она укусит?

– Возьми палку. Если подбежит – бей по морде и пятясь, иди к дому.

– Всё понял.

К девяти утра Дидар уже играл во дворе. Он качался на качелях, подвешенных к старому карагачу. Соседская собака, как всегда, залаяла на него, и он, вспомнив дедушкин совет, поднял палку, устрашающе помахал ею. Та замолчала, попятилась. Удовлетворённый, Дидар вышел за ворота, надеясь найти друзей, но улица была пуста. Вдали показался чёрный автомобиль, поднимая за собой пыль. Он приближался.

Через пару минут машина подъехала к их двору. Радостный Дидар подбежал к ней. Она была длинная, блестящая, чёрная – настоящая, как в кино. Сзади – серебристая надпись, перебившаяся на солнце.

Дедушка и дядя Уми поздоровались с усатым дядей в костюме, с чёрным дипломатом.

– Это ты, Дидар, будешь?

– Да.

– Нравится машина?

– Очень!

– Вырастешь – на такой будешь кататься.

– Правда?

– Конечно. Хочешь – садись за руль, побибикай. Только кнопки не нажимай. Сегодня ведь ты станешь настоящим джигитом.

– Спасибо, дядя! Вы добрый!

Он сел за руль. Руль не крутился – был тугим, возвращался обратно. Усатый дядя и взрослые пошли в дом. «Наверное, плов кушать», – подумал Дидар и нажал на клаксон. Машина жалобно загудела, как маленький паровозик. Он стал рассматривать салон, дёрнул за висевшего на зеркале плетёного чертёнка – тот растянулся и снова свернулся.

В этот момент подошёл дедушка.

– Не тронь чужого без спроса. Пошли кушать плов.

– Не хочу. Я лучше в машине.

– Гость без тебя не приступит.

– Ладно, но попрошу у него чертёнка. Он ведь добрый.

– Попроси, может, и подарит.

Дидар, взяв деда под руку, зашёл в дом. И тут началось самое странное. Его вдруг крепко схватили дедушка с дядей и повели в комнату деда. Там не было ни плова, ни стола. На стуле сидел тот самый усатый дядя, но теперь уже в белом халате.

Дидар сразу понял – что-то неладное. Люди в белых халатах делали больно. Он вспомнил уколы, холодные железки во рту, и ту тётю, что колола его голову, когда он упал со шкафа. Он попытался вырваться, но крепкие руки уложили его в кровать.

– Отпустите! Вы обманули меня!

– Потерпи немного, джигит должен быть смелым.

– Не хочу! Не надо!

Дядя Уми начал снимать с него штаны.

– Предатели! – закричал он. – Обманщики! Звери!

Усатый дядя достал шприц и, выпустив струйку жидкости в потолок, улыбнулся:

– Мынау жігіттің жаны тәтті екен¹.

Игла вонзилась в пах. Дидар завопил. Его держали крепко. Он трепыхался, плакал. Сквозь слёзы заметил, как по щекам деда катились слёзы. У дяди Уми задрожали губы, но он продолжал держать его.

Усатый дядя достал стальной инструмент. Лезвие коснулось тела. Боль была смутной, но осязаемой. Дидар увидел за дверью

тёток – они тоже плакали. Мир плыл перед глазами, и он потерял сознание.

Когда очнулся, в комнате сияло солнце, пели птички. Слышались голоса за окном:

– Кутты болсын! Теперь внук – настоящий джигит!

– Рахмет.

– Пусть быстро выздоравливает.

– Как он кричал, бедненький, мы всё слышали...

На потолке играли солнечные зайчики от бликов воды. Дидару было обидно – его обманули, мучили, и ещё гостей позвали. Он вспомнил лицо деда, слёзы тётъ, и снова ничего не понял.

Он попытался встать, но не смог. В области паха болело и щипало. Он снова уснул.

Очнувшись, увидел, как над ним склонились тётъ, одна из них – Гуля – держала стеклянную баночку. Внутри плавало что-то жёлтое.

– Смотри, вот что тебе отрезали.

– А что это?

– Кусочек кожи. То, что не нужно.

– А всем так делают?

– Всем мальчикам. Все мусульмане мира проходят через это. Чтобы быть чистым и здоровым.

Дидару было не до разговоров – он заметил игрушки. Лук со стрелами, пистолет, вертолёт. Он попросил стрелы – тётъ Гуля подала. Он натянул тетиву, выстрелил в дедушкин сундук.

- Я пойду за стрелами.
- Нельзя вставать. Может, завтра. Но сначала – надо надеть юбку.
- Я – не девчонка!
- Все мальчишки после обряда надевают юбку. Вот ситцевая от Гулюм.

На следующий день Дидар уже бегал по улице с соседскими мальчишками в ситцевой юбке, играя новыми игрушками. Он смеялся, стрелял из лука, держал юбку от ветра, пряча свою большую тайну, сделавшую его настоящим джигитом.

Этот день навсегда остался в его памяти. Как бы ни было страшно и больно, через это проходит каждый мусульманин. Это древний обряд, очищающий тело и душу. И именно в тот день Дидар стал джигитом – пусть не сразу понял это, но на всю жизнь запомнил.

¹ Мынау жігіттің жаны тәтті екен – особая фраза на казахском языке, которая может быть переведена как «Этот парень сладко плачет». Это выражение может быть использовано в контексте того, что боль или страдания человека доставляют кому-то удовольствие или удовлетворение.

КИНО

Дидар с друзьями идёт в аульный кинотеатр, но за фасадом праздника – жар, духота, спёртый воздух и обморок. Герой чувствует себя лишним в толпе, вытесненным. Особое место занимает образ памятника Амангельды – как символ бунта, правды и истории,

с которым он внутренне соотносит себя. Кино становится метафорой: иллюзия снаружи, но истина внутри.

Глава шестая **Кино**

Он не любил синематограф..

Выражение персонажа из фильма
«Человек с бульвара Капуцинов»

В истории Дараевича про кинематограф было одно досадное недоразумение. Конечно же, он любил – и продолжает любить – кино, как и всякий здравомыслящий человек. Любил экран, сюжет, музыку, крупные планы и грохот финалов. Но вот ходить в кинотеатры он не любил. На то была веская причина. А как известно, все настоящие фобии берут начало в детстве.

Про зрелища в той эпохе, помимо хлеба не забывали. Само путешествие туда было тоже увлекательным занятием. Из дедушкина дома краткий путь в кинотеатр проходил через задние двory, а картина там была совсем иная, чем на центральной улице. Сзади хозяйственных дворов стояли кучи навоза, летали огромные мухи. То и дело приходилось смотреть под ноги, чтобы не угодить на лепешку или желтую едкую лужицу. Да и дышать становилось все труднее: мало того жара, стояла к тому же ужасная вонь от разлагавшихся кучи навоза. Под

ногами хлюпали лужицы, пахнувшие так, что у неподготовленного человека мутилось бы сознание. Пока они шли туда, отважною гурьбою соседских детей, всю кипел разговор о предвкушаемых прелестях сюжета и состава актеров очередной индийской драмы: кто сегодня будет играть в фильме: Амиабх Баччан или Митхун Чакраборти, злодей или полицейский, любовь или месть.

А Дидар, тем временем занимался своим любимым делом наблюдением за все и вся, за которым следовали те вопросы, на которые вечно занятые взрослые не хотели отвечать, да и его тетушки отвечали тоже с неохотой. Из-за этого Дидару приходилось по нескольку раз их повторять. Кучи навозные отличались между собой, как и навозные мухи, разноцветные блики, которых то и дело отблескивали, как маленькие катафоты на велосипедных колесах издали, в лучах вечернего, но еще жаркого летнего солнца. Одни кучи были большими, другие поменьше.

Дидар, как всегда, отставал, наблюдая за миром с любопытством исследователя. Он задавал вопросы:

– Почему одни кучи большие, а другие маленькие?

– А почему в них что-то шевелится?

– Почему здесь так много мух?

Дети сначала отмахивались, но в конце концов сдавались:

– Потому что у Айдара двенадцать коров, а у Мурата всего три – лентяй! А шевелятся там кұрттар¹

– Кто? Где? Как они там оказались?

– Да мухи же, мухи! У деда спроси – он же твой дед и наш учитель. Он нам про этих тварей всю голову проел.

И Дидар вспоминал книжки на дедушкиной полке, полные рисунков насекомых, червей и микроскопических существ. Ему становилось интересно. Навозные мухи были разными – с металлическим отливом на крыльях, словно велосипедные катафоты, переливающиеся в лучах солнца.

И вот, наконец, они пришли к кинотеатру. Перед зданием – клумбы, чуть дальше – тополиные аллеи, и посередине площади – монумент. Он стоял на постаменте, словно сам ветер из степи, облеченный в бронзу. Это был великий батыр Амангельды Иманов² – один из предводителей восстания 1916 года, поднявшегося против царского указа о мобилизации казахов на «тыловые работы» в чужой, бессмысленной для степи войне.

Дидар любил вглядываться в лицо бронзового воина до начала вечернего сеанса. Сабля в руке, поднятая ввысь, была как вспышка молнии в степи. И взгляд – твердый, непреклонный, будто он всё ещё слышал топот конных дозоров, крики загнанных джигитов³, мольбы матерей, не вернувшихся сыновей. Иногда Дидару казалось, что этот батыр смотрит не в прошлое, а сквозь него – прямо в будущее. В его бронзовых глазницах будто жил ветер. Тот самый вихрь, о котором шептались в ночи: что он однажды войдет в город, войдет в фонари, и не оставит ни одного равнодушного. Было что-то знакомое, почти родственное между ним и этим батыром. Что-то большее, чем просто память. Пока он ещё не знал этого героя, он был мал, но потом будучи взрослым восхищался им.

Казалось, взгляд его устремлён в самую даль – не в географическую, а историческую, туда, где не забывают свою боль и не сдаются под чужим ярмом. В этом взгляде было всё: горечь, упрёк, и немая надежда. Он не знал тогда, что Амангельды был подло убит в 1919 году, уже после свершившейся революции – когда, казалось бы, должна была наступить справедливость. Он не знал, что его соратник Кейки батыр⁴, не смирившись, ушёл в степь, и мстил за друга, за землю, за погибших до самого 1924 года. Только позже, у родника, носящего имя Кейки, Дидар узнает эту историю – и свяжет в уме две фигуры: бронзовую тень у кинотеатра и прозрачную струю живой воды у края аула.

Когда двери кинотеатра распахивались, толпа врывается внутрь. Первой шли нарядные – в белых рубашках со стрелками и вычищенных до блеска туфлях. Потом – подростки, поскромнее. Последними подбегали босоногие ребяташки. Их выгоняли, но ближе к середине сеанса они все равно пробирались внутрь, как вода в щели.

С первых минут начала фильма в зале было приятно чувствовать прохладу после вечерней летней жары и духоты. Но с некоторым течением времени становилось все более жарче и душнее, если сначала все чинно рассаживались на стульях, то к концу фильма на каждом стуле уже на коленях первых, севших располагались другие. Если с начала проходы вдоль стен были пусты, то с каждой минутой на них в неумолимой прогрессии появлялись молодые люди, что в конце концов, не было и яблоку где упасть. Первоначальная прохлада испарялась, как будто это было во сне или вчера, вместо нее воздух становился спертый, смешивался с запахами различного оттенков человеческого пота. От кого-то пахло кумысом и лошаадьми, от вторых коровами и парным молоком, от третьих же шел запах тройного одеколона, шипра или другой туалетной воды. Все это смешивалось и превращался в такую жуткую гремучую смесь запахов и ароматов, которая чувствовалась и во время больших тоев летом в закрытых палатках и помещениях, на которых Дидар бывал и тоже.

Он, наученный горьким опытом походов на такие киносеансы знал, что, если до первой серии не выйти, то потом это будет невозможным практически. Но тети его не пускали, боясь и помня строгий наказ и камчу отца, не оставлять меня в одиночестве ни в коем случае. Но после того, как я однажды упал в обморок, задохнувшись от невероятной жары, из-за постепенного уменьшения кислорода в кинозале, они при дальнейших сеансах кинематографа стали меня все же отпускать, но с уговором не говорить дедушке об этом. Проходя через толпу людей, ориентируясь на светящуюся в темноте табличку «ШЫҒУ-ВЫХОД» как спасительному кругу из ада духоты через липкие тела, сотней волн кисло-терпких оттенков человеческого пота к дверям кинозала. Соприкасаясь с ними, Дидар сам взмокал, задыхался, начинал чуть ли не терять сознание. И в момент выхода на улицу его охватывало резкая бьющая в нос свежесть и прохлада вечернего ветерка самала. Дидар чувствовал великое блаженство, подбегая отдышаться к монументу героя, который стоял так же невозмутимо, гордо смотря в неведомую даль.

На мраморной табличке, потемневшей от времени, значилось: «Амангельды – батыр народа. Встал за честь степи, когда ей велели копать вместо того, чтобы сражаться.»

¹ Құрттар (с каз. құрттар) – казахское слово, обозначающее червей.

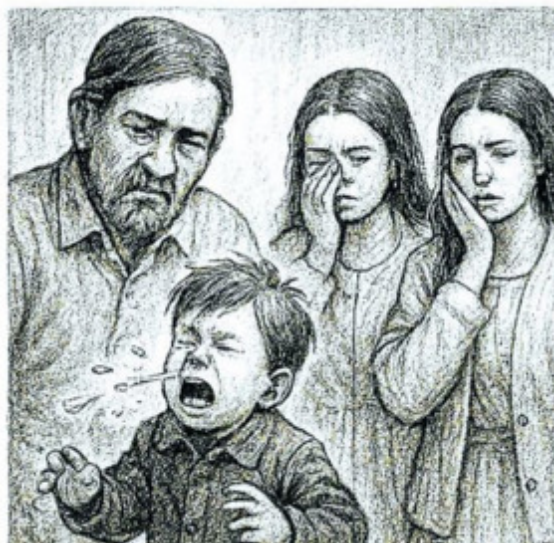
² Амангельды Иманов – казахский батыр, участник восстания 1916 года против царской власти. Был убит в 1919 году.

³ Джигиты – кочевники, казахские всадники, известные своим мастерством верховой езды.

⁴ Кейкі батыр – казахский герой, один из соратников Амангельды Иманова, продолжавший борьбу с советской властью и мезьтью за погибших до 1924 года.

БОТАКАН

Поездка в аул весной сопровождается знакомством с верблюжонком – ботаканом. На самом деле это был не ботакан, а взрослый самец-бура. Встреча вызывает сначала страх, затем интерес и внутреннюю силу. Аульные сцены и родниковая вода Кейки батыра наполняют главу духом истории и степи. Через контакт животным миром формируется уважение к жизни и природе.

Глава седьмая
Ботакан

Любой зверь дитя не тронет.

– из записок Дидара Дараевича

В степи уже повсюду проглядывали проталины, весело журчали ручьи из талой воды. Стоял апрель.

– Давайте собирайтесь, поедem в аул! – сказала мама.

– Алакай! Ура! – закричали Дидар и его сестрёнки, захлопав в ладоши.

Мама улыбалась, укладывая в чемодан детские вещи.

– Зачем тебе эта книжка? Не загружай лишнего, – строго, но ласково сказала она сыну.

Дидар нахмурился, не отпуская из рук тонкую книжку с иллюстрациями. Он особенно любил рассматривать рисунки – людей, животных, птиц. Детские брошюрки были яркими, но все казались какими-то ненастоящими. Совсем другое дело – взрослые книги. В них звери и люди были не игрушечными, а настоящими: в точных линиях, с живыми глазами. Вот только рисунков в таких книгах было мало – всё больше строчек с непонятными закорючками.

– Жаным, ты с малых лет к книжкам тянешься. У дедушки таких с картинками много. Эти оставь, там я тебе найду другие, – пообещала мама.

Запомнив её слова, он аккуратно спрятал свои книжки в шкафу.

Дорога пролетела в несколько часов. За окном проплывало бесконечное море степи. Только однажды автобус остановился – у святого родника Кейки-батыра. Люди набирали ледяную, прозрачную воду в бутылки. Солнечные блики играли в струе родника, словно танцуя.

На семьдесят седьмом километре жаркой степной трассы между городом и аулом тем был родник. Вода в нём была прямо из земли – прозрачная, как стекло, и обжигающе ледяная. Взрослые всегда предупреждали: не пить! Особенно детям. Зубы может свести, треснут, потом будешь мучиться. Многие приезжие горожане, не зная, хватали воду жадно и потом стонали от боли.

Дидар стоял у родника и смотрел, как тонкая струя с шипением разбивает пыль на камнях. Вокруг – ни души, только степь, ветер и дрожащие от жары миражи на горизонте. А рядом – резная табличка:

«Родник Кейки батыра¹. Здесь он молился.. Здесь отдыхал, набирался сил перед дорогой и битвой».

Мальчик тогда ещё не знал, кто такой Кейки. Но чувствовал, что это место не простое. В этой воде была память. Он не пил – только умылся. Лёгкий холод обжёг лицо, но внутри стало как-то спокойно.

Потом он узнает: Кейки – тот, кто не сдался, мстил за друга – Амангельды, вероломно убитого в 1919-м. Они были не просто соратниками – они были теми, кто сохранил честь народа в самые тёмные дни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.